

Шубин Александр

Первая русская революция в системе исторических координат

Революция 1905–1907 годов вошла в пору своего столетнего юбилея еще более загадочным явлением, чем она была для современников. Для одних это – «пролог Великого октября / Великой Смуты», для других – повод для юбилейных комментариев к Манифесту 17 октября и созыву Государственной Думы. Можно посетовать, что «преувеличены» жертвы 9 января, порекомендовать власти твердости в борьбе с революционной напастью. Можно поднимать лозунги «Долой царя Путина!» и выступать за возрождение советов. При этом важно и понимать – в чем сущность явления, какое место занимает первая русская революция в потоке истории.

Мода на постмодерн не способствует систематизации образов и фактов в какой-то системе координат, предполагающей поступательность исторического развития. Революция 1905 года – прекрасный повод для критики исторической мегамодели. В ней все перемешано, на арене появляются то массы рабочих, то матросы, то интеллигенты в пенсне. Крестьяне жгут усадьбы. Все толпятся и мешают друг другу. Множество вождей оказываются героями дня, но не года.

Но при внимательном рассмотрении выделяются потоки, логические связи и самая хаотичная из революций становится примером исторических закономерностей, ключом к пониманию более общих проблем историософии.

Что такое революция?

Типология революций – одна из проблем, где историки (не говоря уж о политологах и идеологах) с трудом находят общий язык. Эта тема слишком очевидно связана с более общими вопросами мировоззрения и философии истории. Тем не менее именно революция 1905–1907 годов дает нам ключ для перевода понятия революции с разных идеологических языков на строгий язык науки. Если мы включаем 1905 год в перечень революций, мы сразу опровергаем понимание революции как некоего общественного краха, обрушения, кровавого побоища. Так, во время октябрьской стачки 1905 года, которая заставила самодержавие протрубить отступление 17 октября, кровь рекой не лилась, но революция была налицо. Включая 1905 год в перечень революций, мы признаем, что революция – это нечто, что может обойтись без политического переворота. 1905 год разделил понятия революции и переворота (как говорилось в XIX- начале XX века – «политической» и «социальной» революции).

Слово «революция» многозначно. Под революцией понимались и качественные скачки в развитии, и переходы от одной социально-экономической формации к другой, и социальные перевороты, связанные с вторжениями в отношения собственности, и разрушительные социальные взрывы, и политические перевороты, своего рода «обвалы власти», связанные со сменой правящей элиты. Некоторые из этих точек зрения совместимы между собой, но, на мой взгляд, они трактуют явление либо слишком расширительно, либо, напротив, зауженно. Если говорить о социально-политической революции как о конкретном историческом событии, то это – хронологически ограниченный процесс от нескольких месяцев до нескольких лет. Характеризуя революцию, мы можем исходить из «классических» примеров: английского «Великого мятежа» середины XVII века, Великой французской революции конца XVIII века, серии французских революций 1830 года, 1848–1852 годов, 1870–1871 годов; российских революций 1905–1907 годов и 1917–1922 годов.

Сущность этих явлений не может быть определена через изменения отношений собственности (в Английской революции этот фактор играет незначительную роль, и в центре внимания стоят религиозно-политические мотивы, разделяющие представителей одной группы собственников) или смену правящей элиты (этого как раз не случилось в

революции 1905–1907 годов). Речь не может идти о смене общественной формации в ходе одной революции.

В то же время можно выделить ряд черт, которые объединяют все «классические» революции:

А) Революция – это социально-политический конфликт, то есть такой конфликт, в который вовлечены широкие социальные слои, массовые движения, а также политическая элита. Это сопровождается расколом существующей социальной элиты и либо сменой властной элиты, либо ее существенным дополнением представителями иных социальных слоев. Важный признак революции (в отличие от локального бунта) – раскол в масштабе всего социума (общенациональный характер там, где сложилась нация).

Б) Революция предполагает стремление одной или нескольких сторон конфликта к изменению системообразующих принципов общественного устройства, то есть таких принципов (или структур), которые определяют другие черты данной эпохи. Как правило, это – принципы формирования господствующей элиты (аристократическая традиция, собственность, принцип номенклатуры и другие). Революция начинается, когда массовые движения приступают к ломке таких системообразующих принципов и структур, которые не были преодолены эволюционным путем.

В) Революция – это социальное творчество, она преодолевает ограничения, связанные с существующими институтами разрешения противоречий и принятия решений. Революция стремится к созданию новых «правил игры». Она отрицает существующую легитимность (иногда опираясь на прежнюю традицию легитимности, как Английская революция). Старая легитимность как раз и блокировала естественную, эволюционную смену части системообразующих структур. Поэтому революционные действия преимущественно незаконны и не институционализированы. Революция не ограничена существующими институтами и законом, что иногда выливается в насильственную конфронтацию.

Таким образом, революцию можно кратко охарактеризовать как социально-политическую конфронтацию по поводу смены системообразующих принципов организации общества, преодолевающую существующую легитимность.

Революция в формационной перспективе

Здесь мое изложение подходит к некоторой сложности. После исчезновения монополии марксизма в российской историографии она потеряла и общий язык. Мне было бы проще разъяснять дальнейшее, исходя из собственной методологии и связанного с ней языка¹, но ведь читатель вовсе не обязан быть в курсе моих историсофских представлений. Зато читатель наверняка слышал марксистский социологический язык. Он, признаюсь, не представляется мне совершенным. Но нас всех когда-то учили этому языку, и с помощью коротких разъяснений он позволяет переводить одни системы взглядов на другие. Как мертвая латынь позволяла вести беседы представителям разных народов европейского Средневековья.

Понимание характера революций связано с формационной теорией. При всем различии взглядов на этот предмет, легко показать, что общество в своем развитии претерпевает ряд качественных изменений, проходит различные по своим системообразующим принципам эпохи, фазы общественного развития. Речь идет не об оптимистической схеме прогресса, а лишь о наличии качественных различий в структуре, скажем, французского общества в X и XX веках. В марксистской историографии употребляется понятие «социально-экономические формации». Мы будем употреблять привычное понятие «формация», имея в виду, что формации носят не социально-экономический, а комплексный социальный характер. В истории экономическая детерминанта действует далеко не всегда. Так что формации для нас – это структуры общества, обладающие рядом определенных

¹ См.: Шубин А. В. Ритмы истории. Периодическая теория общественного развития. М., 1996.

системообразующих черт и сменяющие друг друга во времени. Причем я предполагаю, что порядок смены формаций в Англии, Германии и России один и тот же.

При всем разнообразии формационных концепций, вполне очевидно, что существуют качественные различия между традиционным (аграрным) и индустриальным обществами. Переход к специализации, управляемости и рационализму привел к социальным сдвигам, которые определили изменения практически всех сторон жизни общества. Часть задач этого перехода может быть решена эволюционным путем, но изменение принципов строительства социальной иерархии, характера элит не может произойти без системного конфликта социальных интересов, чреватого революцией.

Движение от традиционного общества имеет определенную динамику, которая в случае XIX–XX веков позволяет говорить о нескольких этапах («формациях»): «зрелое» традиционное общество («феодализм»), начальный этап перехода к индустриализму («абсолютизм»), индустриальная модернизация (эпоха революций и капитализма), «зрелое» индустриальное общество (государственно-монополистическое общество, «социальное государство»), начальный этап перехода к гипотетическому постиндустриальному («моделирующему») обществу.

Революции традиционно рассматриваются как водораздел между формациями. Но в действительности смена формации не происходит во время одной революции. Это – более плавный процесс. И все же революции играют в нем важную роль, взламывая препятствия для обновления социальной иерархии, которые не были устранены эволюционным путем.

Как писал Николай Чернышевский, существуют периоды напряженной работы, когда человечество за короткий срок решает гораздо больше назревших задач, чем в периоды эволюционного развития. Но во время революционных периодов неизбежно наступает утомление масс, нередко происходит частичное разрушение социально-культурной среды, составлявшей почву для дальнейшего развития страны, и ряд задач революционного прорыва остаются нерешенными. Наступает откат, стагнация, а иногда и реакция. Эволюция и последующие революции вынуждены «доделявать», «доводить» работу, которая была намечена предыдущей революцией. С этой точки зрения понимание характера прошедших революций важно для определения задач последующих.

С учетом этих замечаний можно предложить типологию революций в рамках одной исторической фазы («формации»).

А) Межформационная революция. К ее началу новые общественные отношения уже вызрели. Задача этой революции – разрушить то в структуре общества, что препятствует переходу к новой формации. Нередко это не удается сделать с первого натиска.

Б) Ранние революции. В условиях зрелой формации начинают вызревать предпосылки следующей эпохи. Но они еще очень слабы, чтобы произошла новая смена формации. Именно в такие периоды случаются революции, которые в марксистской традиции получили удачную приставку «ранне-». «Раннебуржуазные», например. Эти революции не создают капиталистической системы, а служат стартовым выстрелом в забеге к ней. Классическим примером такой революции является английский «Великий мятеж».

В) Доводящие революции – доделяют, доводят работу межформационных революций в случае их частичной неудачи. Примером «доводящих» революций являются «Славная революция» 1688 года в Англии, которая выступала как доводящая в отношении «Великого мятежа» XVII века, Июльская революция 1830 года во Франции вослед Великой французской революции.

Россия 1905 года на перекрестке эпох: задачи и модели

При переходе к индустриальному (в данном случае капиталистическому) обществу Россия, в ходе реформ Александра II вплотную подходившая к «ранней» революции, все же сумела ее избежать. В результате к началу XX века ряд задач «ранней» революции оставался нерешенным, что требовало «доводящих» реформ или революции. Прежде всего, речь идет о ликвидации авторитарно-аристократического режима самодержавия. Таким образом,

либерализация политического режима во второй половине 1904 года, известная как «весна» Святополк-Мирского, была реализацией этой потенции «Славной революции» по-русски.

Революции решают три группы задач: национальные, гражданско-демократические и социальные.

– Решение «национальных вопросов» обеспечивает этногенетические задачи – либо организацию социально-культурного пространства (нации, национальной общности), либо защиту этнонациональных меньшинств или ликвидацию национально-колониального господства. Отсюда следует разделение национальных задач на объединительные (например, революции в Германии и Италии 1848–1849 годов) и национально-освободительные (например, Нидерландская революция XVI века).

– Решение гражданско-демократических задач призвано укрепить гражданские права личности, механизмы обратной связи между правящей элитой и населением, расширить социальные слои, допущенные в правящую элиту и влияющие на ее политику.

– Решение социальных задач должно обеспечить расширение социальных прав большинства населения, укрепление социальной защиты, снижение уровня социального расслоения.

Либеральная часть элиты рассчитывала ограничиться гражданскими задачами. Но процесс развития индустриального общества зашел значительно дальше, в России уже давно происходил промышленный переворот, сопровождавшийся урбанизацией и аграрным перенаселением. Поэтому, раз начавшись, революция не могла удержаться в антиаристократических рамках. 1905 год в России был обречен на то, чтобы решать задачи первой межформационной революции, открывающей эпоху конфронтации между индустриальным и традиционным укладами российского общества. Используя кальку с привычного нам языка, ее можно условно назвать «индустриалистической». Революция 1905 года, как и революция 1917 года, не могла не стать социальной.

Более того, являясь, по определению Теодора Шанина, «развивающимся обществом»², Россия втягивалась в глобальную систему, которая приступила к решению задач, характерных для следующего этапа развития индустриального общества. Ориентируясь на западноевропейскую ситуацию, политические силы ставили «завышенные» задачи. Быстрое развитие индустриального сектора в России, разрастание рабочего класса, еще в значительной степени маргинализованного, длительная традиция развития социалистического движения – все это способствовало постановке левыми социал-демократами вопроса о «перерастании» буржуазной революции в пролетарскую. Как известно, такую постановку вопроса о «непрерывной революции», продолжая мысль Карла Маркса, отстаивали Александр Парвус и Лев Троцкий, и несколько осторожнее – Владимир Ленин. Эта точка зрения принималась и частью эсеров, которые выдвинули ее самостоятельно и даже раньше Парвуса³. Эсеры в этот период оказались теоретическими лидерами, так как они не были скованы догматами о пролетарском характере социалистической революции и обязательном вызревании предпосылок социализма на почве крупной капиталистической промышленности. Они видели своей задачей проведение аграрной революции, которая создаст предпосылки не для капитализма, а именно для социализма.

Даже в условиях, когда предпосылки революции налицо (так называемая «революционная ситуация»), социальное напряжение может быть снято с помощью реформ. Таким образом, важнейший «субъективный фактор» начала революции – политика власти. Революция 1905 года и ее предыстория являются классическим подтверждением этого правила.

² Shanin T. Russia as a «Developing Society». London, 1985.

³ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М., 1997. С.349.

Позиция правящей элиты резко форсировала события. Император и его администрация могли либо возглавить процесс социальных реформ, либо встать на его пути, усилив раскол общества. Как известно, правящий режим упустил возможность избежать революционного взрыва. Инициативы Георгия Гапона, которые имеют европейские аналоги в чартизме и лассальянстве, открывали перед правящими кругами возможность получить мощный рычаг модернизации, расширить свою социальную базу и сделать политическую структуру режима более гибкой.

Переход к индустриальному обществу требовал организационного оформления рабочего движения и его включения в социально-политическую систему страны и выдвижения социальных задач.

Но очевидно, что аристократическая элита не видела не только самой необходимости этого, но и опасности сохранения существующего положения. Поведение власти во многом было детерминировано самой системой самодержавия, предопределявшей консервативное, если не сказать архаичное, понимание ситуации.

События 9 января, подорвавшие основы авторитета самодержавия – ключевой скрепы традиционного общества в России, перевели революционный процесс на стадию межформационных задач с одновременной постановкой задач ранней социал-элитарной революции (то есть задач создания социального государства и государственно-монополистического общества, характерных для ведущих стран мира во второй половине XX века). Одновременное решение двух групп задач создало серьезные трудности для оценки ситуации, и не только российскими мыслителями и политиками. Революция 1905 года стала серьезным теоретическим вызовом и для западноевропейского марксизма. Она была очевидно небуржуазной по своим проявлениям. Роза Люксембург предложила разделить буржуазные задачи революции и ее пролетарские методы, которые германские левые социал-демократы не прочь были заимствовать (именно осенью 1905 года съезд партии признал возможность организации всеобщей политической стачки)⁴. Но и задачи революции уже не укладывались в капиталистическое прокрустово ложе. И даже ортодокс Карл Каутский пошел в оценке этих событий дальше Розы Люксембург. По его мнению, это не буржуазная революция в обычном смысле и не социалистическая революция, а «совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ...». Она служит ликвидации буржуазного (а не феодального) общества и обеспечивает условия для развития социалистического, стимулируя в то же время и развитие «центров капиталистической цивилизации»⁵. Позднее Каутский будет доказывать, что в России нет достаточных предпосылок для социализма, не решены еще буржуазные задачи. Но в 1905 году он видел в России возможности для разрушения буржуазного общества в пользу социализма. Оценить такой процесс в привычной ему формационной парадигме он не мог, отсюда и неопределенная формула об особом «процессе», который обеспечивает переход от буржуазного общества к социализму. Но тогда по марксистской логике это должна быть социалистическая революция, а она таковой не является. Каутский не мог и помыслить, что между современным ему капитализмом и социализмом может быть еще какая-то стадия развития.

События в городской и деревенской среде развивались по разным алгоритмам. Если в городе ставились уже ранне-социал-элитарные задачи «рабочего вопроса» (воспринимавшиеся как социалистические), то в деревне революция взламывала межформационный барьер помещичьего землевладения, решая задачи, воспринимавшиеся марксистами как капиталистические, а народниками – как создание предпосылок для социалистического развития на основе общинной традиции. Такое различие затрудняло

⁴ Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 576–578.

⁵ Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., 1926. С.29.

выбор модели для оценки ситуации. Марксисты предпочитали модель 1848–1849 годов, и с этим были связаны их ошибки, на которые указывает, в частности, Теодор Шанин⁶. Но важно понять причину такого выбора модели.

Великая французская революция подошла к постановке задач «социального государства», но первая попытка их решения была предпринята в 1848 году. Революция 1848–1849 годов, поставившая на повестку дня «рабочий вопрос», воспринималась значительной частью марксистов как модель для революции 1905 года. Это, в частности, укрепляло их в представлении о консерватизме крестьянства. Но 1848 год, затмивший собой уроки Великой французской революции, оказался не во всем удачной моделью, так как русская деревня развивалась в иной фазе, чем французская, пережившая Великую революцию.

Основные события революции 1905–1907 годов как целого связаны с межформационной ситуацией конфликта традиционного общества и не укладывающегося в ее рамки индустриального сектора, что вело к общей радикализации как крестьянства, так и городских слоев.

Классы и потоки

Соотношение различных задач социально-стадиального характера определяется по «гегемонам» и «движущим силам» революции. Революция часто представляет собой сложный комплекс нескольких революционных потоков. В 1905–1907 годах выделяются либеральный («буржуазный»), пролетарский, крестьянский, национальный потоки. Особое внимание привлекают солдатские выступления, но в целом по своим задачам и социальной психологии они укладываются в вышеперечисленные «потоки».

Национальные задачи в революции ставились этническими меньшинствами, положение которых было неравноправно. Дело было не только в нарушении гражданских прав, но и в неравномерности стадиального развития народов. Империя объединяла несколько формационно-цивилизационных блоков, и анализ их реакции на дестабилизацию империи должен проводиться отдельно. Скажем, польское национальное движение давно ставило задачи создания национального государства, ситуация в Латвии и Грузии способствовала приоритетному выдвижению социальных задач. Русское национальное движение ставило охранительные задачи.

Указание на классовое содержание «потока» является условным. Даже политически активная часть какого-либо класса не придерживается единой позиции. Классовая характеристика тех или иных сил относится к преобладающему социальному составу их сторонников, который также не однороден.

Движение либеральной интеллигенции можно характеризовать как «буржуазное» с большими оговорками. Это не было движение буржуазии, буржуазия поддерживала не только либералов. Основание для такой характеристики заключается прежде всего в том, что в результате победы либералов может победить капиталистическое («буржуазное») общество. Но тогда рабочее движение можно было бы характеризовать как «бюрократическое», ибо в результате его успеха, как правило, усиливаются позиции бюрократии – господствующей элиты в системе этатизированного индустриального общества и социального государства. «Пролетарский» поток реализует задачи социальной революции, что в индустриальной фазе означает переход к социальному государству.

В этом отношении характеристика революции не по «гегемону», а по господствующей идеологии оппозиционного движения более корректна. Но и тогда нужно учитывать, что в демократическом «потоке» «перемешивались» сторонники как капиталистической, так и социалистической перспективы. Революция 1905–1907 годов в этом отношении является либерально-социалистической (роль социалистов вторична, но весома). По «движущим

⁶ Шанин Т. Указ. соч. С.30.

силам» революция 1905–1907 годов включает интеллигентско-рабочий и крестьянский «потоки». Революция показала, что догмат о консервативной сущности крестьянства в межформационной революции не соответствует действительности. В этом отношении в старом споре народников и марксистов события подтвердили правоту первых. Ленинская концепция революции учитывала революционный потенциал крестьянства, что стало важным фактором успеха большевизма в 1917 года.

Вожди и общество

Революции с одинаковым формационным положением могут быть осуществлены с применением разных средств и их сочетаний – переворот, вооруженное восстание и гражданская война, радикальные реформы с опорой на массы, манифестации и забастовки. Эти средства имеют различную разрушительность, причем в отношении не только «взламываемой» системы, но и общества в целом. Выбор средств в значительной степени определяется «субъективным фактором» лидерства.

Отношения идеологических центров оппозиции и массового движения редко подчиняются логике «руководства». Характерно, что ведущие лидеры, выдвинувшиеся в 1905 году (Гапон, Носарь, Шмидт), воспринимались партийными деятелями как «случайные» фигуры. Ведущей формой организации революционных сил были не партии, а союзы (в том числе профсоюзы и крестьянские союзы) и советы. Таким образом, по своей организационной основе революция 1905–1907 годов является гражданской – структуры гражданского общества ведут за собой партии, а не наоборот. Это могло вызывать серьезные конфликты. Так, ЦК РСДРП в своем письме 27 октября 1905 года осудил Петербургский совет за отказ присоединиться к РСДРП и призвал социал-демократов «доказывать всю бессмысленность подобного политического руководства», «развивая свою собственную программу и тактику»⁷. Впрочем, этот конфликт удалось сгладить.

В тех случаях, когда партии отрываются от гражданской почвы, их сила ослабевает. Впрочем, это не значит, что самоорганизация масс спасает от экстремизма – кризис был настолько «запущен», что широкие массы были готовы применять насилие, чтобы добиться решения социальных проблем. Так, декабрьское восстание в Москве не было спровоцировано революционными партиями, а было инициировано радикальной частью социального движения. Но главным средством революционной борьбы стала всеобщая политическая стачка – метод ненасильственной, как сейчас принято говорить – «бархатной», революции, впервые примененный в октябре 1905 года с таким размахом и успехом.

Гражданские организации действовали как в рамках либеральной модели – давление общества на власть со стороны, так и в синдикалистской модели – превращение в систему контрвласти. В этом отношении характерно одно из высказываний забастовщиков: «“Тогда приказано было бастовать, мы и забастовали, а теперь приказано требовать – мы требуем”. – “Кто приказал?” – “Правительство”. – “Какое правительство?” – “Новое правительство”»⁸. Забастовщики воспринимали советы и стачкомы как власть, правительство.

Ученики революции

Очевидная незавершенность революции 1905–1907 годов ставила на повестку дня вопрос о «доводящих» революциях – и типологически близких либеральной «Славной революции» (как планировали организаторы военного переворота в феврале 1917 года), и социальной революции, которая немедленно регенерировала структуры советов в том же феврале 1917 года. Задержка с реализацией программы социальных преобразований,

⁷ Васильев-Южин М. И. Московский совет рабочих депутатов в 1905 году и подготовка им вооруженного восстания. По личным воспоминаниям и документам. М., 1925. С. 16–17.

⁸ Первая революция в России. Взгляд через столетие. С. 205–206.

намеченных 1905 годом, привела к быстрой эскалации революционного процесса в марте-октябре 1917 года и перерастанию его в скоротечную гражданскую войну ноября-декабря 1917 года по сценарию декабря 1905 года, но с иной позицией солдатской массы и, соответственно, с другим исходом вооруженной борьбы. В этом отношении можно сказать, что только большевики сумели извлечь адекватные уроки из революции 1905–1907 годов. Не случайно теория «перманентной революции», предложенная для России в 1903–1905 годах, своевременно трансформировалась в теорию «перерастания» революции, провозглашенную в апрельских тезисах 1917 года.

Уроки 1905 года требовали теоретического синтеза, и наиболее успешно он был проделан эсерами и большевиками, из чего последовало их превращение в ведущие силы драмы 1917 года. Идеолог Партии социалистов-революционеров Виктор Чернов стремился синтезировать народническое и марксистское учения и, несмотря на критику в адрес ортодоксального марксизма, проникался пониманием сложности конструктивных задач, склонностью к эволюционному продвижению в сторону социализма после победы демократии. В 1917 году это вылилось и в тактическую умеренность, которая контрастировала с быстротой развития социально-политического кризиса. Поддерживая необходимость немедленного решения социальных задач, центр эсеров не решился на политический конфликт с «буржуазией», блокировавшей социальные преобразования. Признавая возможность антикапиталистических преобразований в «благоприятных» условиях, эсеры не сочли момент благоприятным, отдав инициативу большевикам.

Эволюция взглядов Ленина шла во встречном направлении. Сначала он принимает модель 1848 года, но ищет возможности привлечения крестьянства к революционному блоку. Оценивая противоречивую картину революции, Ленин принимает «теоретический выход» Розы Люксембург. Из различия характера революции по задачам и методам, движущим силам исходит ленинская лекция о революции 1905 года, прочитанная в январе 1917 года. Однако Ленин уже говорит о «пролетарском характере в особом значении этого слова». Он теперь предпочитает модель Великой французской революции и подчеркивает отличие буржуазной революции от буржуазно-демократической, в которой пролетариат как авангард революции может пойти дальше собственно буржуазных задач. Возможность такого прорыва непосредственно не связана с уровнем развития России, так как «ни в какой стране мира, даже в самых передовых странах, вроде Англии, Соединенных Штатов Америки, Германии, мир не видал такого грандиозного стачечного движения, как в России в 1905 году»⁹. Это значит, что Россия при определенных условиях может ступить на неизведанную землю, лежащую за пределами «буржуазных задач». Что это за земля, каков характер этого общества, будет ли это «диктатура пролетариата» или что-то другое? Эти вопросы Ленин предпочел разрешать экспериментальным путем. Но он, учтя позицию Троцкого, обосновал для себя и своих сторонников саму возможность такого эксперимента.

Те задачи, которые в 1905 году не могли реализоваться из-за «раннего» характера соответствующего революционного потока, в 1917 году стали адекватными ситуации. Понимание этого стало ключом к политическому успеху в 1917 году.

⁹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 306–328.